

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ ART HISTORY

УДК 783.1

ГЕЛЕНДЖИКСКИЕ ЗВОННИЦЫ И КОЛОКОЛЬНЫЕ ЗВОНЫ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА (К ПРОБЛЕМЕ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ПРАВОСЛАВНОЙ КОЛОКОЛЬНО-ЗВОННОЙ ТРАДИЦИИ)

Тосин Сергей Геннадьевич, доктор искусствоведения, доцент, профессор кафедры композиции, Новосибирская государственная консерватория им. М. И. Глинки (г. Новосибирск, РФ). E-mail: lyre@ngs.ru

С 1990-х годов в России начинается возрождение русской колокольно-звонной культуры. Однако на этом пути стали возникать проблемы, от решения которых зависит, как скоро и с какой степенью достоверности она будет восстановлена. Для успешной реализации такой сложной задачи необходимо обозначить данные проблемы, для начала хотя бы на уровне одного региона. Этому посвящена настоящая статья, в чем и заключается ее актуальность. Цель исследования – выявление проблем, свойственных российской глубинке в деле реанимации православной традиции колокольного звона, на примере храмов г. Геленджик.

В основу работы положены результаты полевых исследований, проведенных автором в названном городе в 2008 году. При сборе материалов определялось состояние звонничного инструментария (колоколов и их расположения на колокольнях, механики инструментов и т. д.), фиксировались исполняемые звоны и техника игры на колоколах, проводились опросы звонарей. В процессе обработки собранных материалов были воссозданы схемы конструктивных особенностей звонниц-инструментов и сделаны нотные расшифровки записанных звонов. Проведенные работы позволили автору статьи, используя метод сравнительного анализа (как в диахроническом, так и в синхроническом аспектах), выявить ряд важных проблем, касающихся обустройства звонниц, исполнения канонических звонов, православно-уставной грамотности местных звонарей.

В итоге были сделаны следующие выводы. Сегодня в геленджикском звонничном строительстве, связанном с налаживанием инструмента как акустико-механической системы, налицо трудности, сопряженные с его комплектацией качественными церковными колоколами, а также с непониманием важности оптимальных конструктивных решений при создании звонницы. Технично-исполнительские возможности местных звонарей весьма ограничены и в отдельных случаях нуждаются в значительном совершенствовании. Обращает на себя внимание и недостаточно ясное представление звонарей о роли и месте канонических звонов в богослужебном обряде, о их значимости и календарной приуроченности.

Ключевые слова: колокол, звонарь, колокольный звон, Православная церковь, колокольня.

GELENDZHİK ZVONNITSAS AND BELL CHIMES IN THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY (TO THE PROBLEM OF RESTORATION OF ORTHODOX BELL-CALL TRADITION)

Tosin Sergey Gennadyevich, Dr of Art History, Associate Professor, Professor of Department of Composition, Novosibirsk State Glinka Conservatoire (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: lyre@ngs.ru

The Orthodox culture of bell ringing in Soviet Russia was destroyed during for 70 years. After the collapse of the USSR, a rebirth of this tradition has started. But there were problems associated with its restoration in their authentic form. In order to solve these problems, one should first fix them. Today this question is very relevant, so it is the focus of this article. Such studies have not been conducted in modern Russian science. This is the novelty of the article.

Each region may have their own difficulties to restore the tradition of bell ringing. But there can be also common problems. To find them and to draw the generalizing conclusions is necessary to conduct researches in different areas of Russia. It is advisable to begin this work in one region. The author collected materials for an article in Gelendzhik (in the Caucasus). He defined the condition of zvonitsas (bells, the mechanic of instruments, etc.), fixed the sound of peals and playing technique on the bells, conducted surveys of bell ringers. The analysis of the obtained data allowed the author to identify several serious problems.

The following conclusions were made. Today, there are difficulties associated with a complete set of Gelendzhik zvonitsas with church bells. Their playing abilities are restricted and need perfection. Not all local bell ringers understand the importance of choosing optimal construction solutions while creating their instrument (they affect the quality of playing the bells). Failure of the rules of the calendar, use of Russian Orthodox ringing types by the ringers indicates their poor knowledge of the church charter (Typicon).

Keywords: bell, bell ringer, peal, Orthodox church, bell tower.

В последние десятилетия в России наблюдается заметный рост церковного строительства. Наряду с повсеместным открытием православных приходов и возобновлением регулярной богослужебной практики, восстановлением старых и возведением новых храмов начинает возрождаться колокольно-звонная культура. В советские богоборческие годы она находилась в забвении, и сегодня на пути реанимации этой церковной традиции встает немало серьезных препятствий. С музыкально-исследовательской точки зрения о проблемах тут следует говорить в связи с двумя аспектами – звонничным строительством и игрой на звоннице-инструменте. От успешного решения данных проблем напрямую зависит, как скоро и с какой степенью достоверности будет воспроизведена русская колокольно-звонная традиция. Однако прежде необходимо их обозначить, для начала хотя бы на уровне одного региона. Этому посвящена настоящая статья, в чем и заключается ее актуальность. В современной отечественной campanологии¹ исследования подобного рода не проводились; не обращались campanологи и к кавказско-черноморскому региону, фигурирующему в работе. В этом состоит ее новизна.

Цель данного труда заключается в выявлении проблем, свойственных российской глубинке в деле возрождения исконной православной традиции колокольного звона, на примере храмов

¹ Campanология – наука, объектами изучения которой являются колокола и колокольные звоны.

г. Геленджик. В числе задач, которые необходимо решить для достижения этой цели, отметим главные:

- характеристика современного состояния звонничного инструментария геленджикских храмов;
- определение уровня технико-исполнительской подготовки местных церковных звонарей;
- установление степени их православно-уставной грамотности в рамках выполнения своих обязанностей.

В основу работы положены результаты полевых исследований, проведенных ее автором в 2008 году в Геленджике.

Этот южный город, основанный в 1831 году, расположен на Черноморском побережье Кавказа. Но и здесь, вдали от центра страны, как и по всей послереволюционной России, прокатилась богоборческая волна, сопровождаемая закрытием храмов и изъятием церковных колоколов. Только в постперестроечное время в Геленджике начался процесс возрождения православных святынь, а вместе с ними и почти утраченной за годы советской власти традиции колокольного звона.

В период сбора материалов в черте города функционировало три храма: Вознесения Господня, Свято-Преображенский и храм Во имя Святого благоверного Князя Михаила Черниговского, которые восстановлены в новое время. У каждого из них – по звоннице. При Вознесенском и Преображенском храмах они расположены на колоколь-

нях. Под михаило-черниговские колокола отведен особый тип архитектурно-колокольного сооружения – настенная звонница. Более 500 лет назад она была весьма распространена в Псковской и Новгородской землях, но сегодня в действующем виде встречается крайне редко. Характерными чертами настенной звонницы являются линейное размещение колоколов в сквозных пролетах, устроенных в верхней части достаточно высокой стены, и способ звона с земли, поскольку непосредственного доступа к колоколам, как это имеет место, например, на колокольне, тут нет.

Перечисленные инструменты укомплектованы по-разному. Так, в звоннице Вознесенского собора насчитывается 6 колоколов: 1 современного литья, 1 дореволюционный и 4 рынды². На Преображенской колокольне – 9 колоколов: 7 новых и 2 старинных. В Михаило-Черниговской звоннице – всего лишь 2 колокола: старинный церковный и корабельный. Описанные колокольные наборы отражают их состояние на момент обследования инструментов. Однако важно отметить, что они за последние годы подвергались значительным изменениям. Как выяснилось из бесед автора статьи со звонарями, ранее наряду с колоколами в качестве вибраторов в звонницах использовались различные суррогаты, что в известной степени отрицательно влияет на звуковой облик инструмента. Так, сначала, до 2000 года, при Вознесенском соборе били в газовые баллоны. Там же, и в Преображенской церкви тоже, одно время ударяли в подвешенный фрагмент рельса. Позже, когда колокольные арсеналы храмов вполне сложились, от суррогатов отказались.

Впрочем, и сегодня, если обратим внимание на вышеперечисленные наборы колоколов, их качественную составляющую трудно назвать идеальной. Помимо сугубо церковных колоколов в них представлены вибраторы иного назначения, в частности рынды. Примечателен и тот факт, что у многих из них «родные», несохранившиеся, языки-ударники заменены на новые, не отвечающие техническим требованиям, сложившимся в многовековой практике колокольного производства. Сегодня утрату языков восполняют кустарным способом, на месте. Показательно свидетельство звонаря Вознесенского храма Василия

Савчука: «...Потом колокола повесили... я сделал языки: нашел шаровые (детали. – С. Т.) от машины, приварил к ним ушки и навешал...».

Итак, отсутствие колоколов, подавляющее большинство которых было уничтожено советской властью, а также неудовлетворительное качество тех, что сохранились и вернулись на колокольни, оказалось значительным тормозом в процессе восстановления рассматриваемых звонниц. Безусловно, это одна из ключевых проблем, окончательное решение которой еще впереди.

Другая важная проблема, выявленная нами, относится к обустройству звонницы как акустико-механической системы. Данный вопрос был актуален во все времена. В наши дни, когда многое забылось, он актуален вдвойне.

В дореволюционной России не существовало писанных правил по оснащению звонницы. Тем не менее в звонарской практике были выработаны и передавались из поколения в поколение некие общие подходы в этом деле. Не вдаваясь в технические тонкости, выделим главный из них: веревки (тяги) от колокольных языков должны быть распределены и протянуты к звонарю таким образом, чтобы во время звона он мог задействовать максимальное количество колоколов. При этом, для облегчения задачи, традиционно допускается употребление нехитрых механических устройств (например, ножной педали), связывание концов веревок от нескольких небольших колоколов в один узел (для управления ими одной рукой), использование веревочных растяжек, позволяющих изменить направление рабочей тяги от неудобно расположенного колокола, и т. д. Все это в campanологии принято обозначать термином «балансировка». Грамотная балансировка делается с учетом особенностей музыкальной фактуры канонических звонов, которая предполагает наличие трех групп разновеликих колоколов – больших, средних и малых. При таком дифференцированном подходе балансировка каждой из колокольных групп в техническом отношении наделяется индивидуальными чертами. Звонарю это упрощает задачу при реализации многоголосной музыкальной фактуры во время звона.

Для понимания вопроса в качестве примера такой фактуры приведем образец дореволюционного звона, исполняемого одним звонарем (пример 1).

² Рында – корабельный колокол.

Пример 1

**Звон Александро-Невской лавры в Петербурге, фрагмент партитуры
(запись С. Рыбакова, см. [8, с. 194])**

The musical score consists of three staves. The top staff is labeled 'малые' (small bells) and contains a rhythmic pattern of eighth notes. The middle staff is labeled 'средние' (medium bells) and contains a rhythmic pattern of quarter notes. The bottom staff is labeled 'большие' (large bells) and contains a rhythmic pattern of half notes. The score is divided into four measures by vertical bar lines.

В данной ритмической партитуре, где каждый колокол выписан на отдельной «нитке», четко обозначена их группировка. Исходя из нотной записи, эксперту не составляет труда определить, каким образом здесь звонит звонарь. Партию малых колоколов он исполняет правой рукой, средних – левой, а больших – посредством педали.

В современных геленджикских звонницах колоколенного типа ситуация с балансировкой представляется неоднозначной. Если на Вознесенской колокольне она выполнена с пониманием вопроса, то на Преображенской дело обстоит иначе. Не станем подробно останавливаться на описании балансирования колоколов последней. Отметим только, что главный недостаток обсуждаемой балансировки заключается в отсутствии упомянутого дифференцированного подхода к группировке колоколов. Все они (кроме самого большого) объединены одной вязкой с непомерно длинными тягами от колокольных языков, что мешает ритмически гибко управлять в первую очередь малыми колоколами и исключает вероятность воспроизведения традиционной музыкальной фактуры в трезвоне³. Добавим, что в балансировке колоколов Преображенской звонницы механические приспособления принципиально не используются: по мнению звонарки храма Ольги Мозеровой, они противоречат национальной традиции. Это очевидное заблуждение; некоторые из простейших механизмов, применяемых в нынешних звонницах, известны по дореволюционным источникам конца XIX – начала XX века [1; 5; 8], вполне доступным для читателя в наши дни. Та-

³ Термин «трезвон» используется в разных значениях. Мы ограничимся тем, которое соответствует пониманию местных звонарей: звон в несколько или во все колокола одновременно, но с их погрупповой ритмической дифференциацией.

ким образом, приходится признать, что сегодня в геленджикском звонничном строительстве проблемы все-таки существуют.

Они в свою очередь порождают новые, в частности, связанные с исполнением звонов. Например, на звонном ярусе колокольни Вознесенского собора имеется специальная педальная доска, которая не используется по назначению. «Это не пошло, потому что надо (тогда. – С. Т.) одному трезвонить, а у нас пока нет такого человека, чтобы чисто один трезвонил, – сетовал церковный звонарь. – Педаль, она, знаешь, надо тренироваться». Поэтому звонят здесь, по его признанию, «обычно вдвоем. Один – в большие колокола, а другой делает подзвон». Тем не менее благодаря соблюдению основных правил колокольной балансировки вознесенский звон находится в русле традиционных, где, помимо расхожей трехплановой музыкальной фактуры, нередко представлено двух- и даже четырехголосие. В примере 2, нотированном схематически, большой (1-й) и подбольшой (2-й) колокола составляют одну партию. Другую, так называемую звонную партию, быстро чередуясь между собой, дробно вызывают сразу четыре колокола (3–6). Данная четырехтактная попевка является основой всего звона, в котором она регулярно повторяется (иногда с незначительными изменениями).

Пример 2

**Звон Вознесенского собора,
фрагмент партитуры (запись С. Тосина)**

The musical score shows two staves. The top staff is labeled '3-6' and contains a rhythmic pattern of eighth notes. The bottom staff is labeled '1 2' and contains a rhythmic pattern of quarter notes. The score is divided into four measures by vertical bar lines.

Исполнительски, в техническом отношении, этот звон для одного искусного звонаря (владеющего, помимо прочего, игрой «через педаль») не представляет особой сложности. Вознесенские же звонари, не освоившие педальную технику, вынуждены его воспроизводить вдвоем. Отсюда – вывод: их технико-исполнительские навыки нуждаются в совершенствовании.

На колоколах Преображенской звонницы по вышеуказанной причине отсутствия грамотной балансировки практически невозможно исполнять многоголосные звоны в их традиционном виде. Это очевидно при анализе партитуры одного из звонов данного храма, которую мы вынуждены разместить здесь в развернутом виде (пример 3).

Пример 3

Звон Преображенской церкви (запись С. Тосина)

The musical score is presented in four systems. The first system is in 4/4 time and features a complex rhythmic pattern with eighth and sixteenth notes across multiple staves. The second system includes time signatures of 5/4, 4/4, 6/4, and 4/4, with triplets indicated by a '3' over a group of notes. The third system shows 5/4 and 4/4 time signatures with a mix of eighth and sixteenth notes. The fourth system starts with a 9/8 time signature and ends with a 4/4 time signature, concluding with a double bar line.

В примерах 1 и 2 обнаруживается достаточно определенная ритмическая дифференциация колокольных голосов: чем выше партия, тем она более дробная. Это типично для традиционных

звонов. Верхняя партия, исполняемая на малых колоколах, как правило, самая подвижная (именно поэтому ее часто называют трелью). В преобразенском звоне упомянутая дифференциация от-

существует. Партия малых колоколов (8, 9), управляемых правой рукой, вместо активного движения представлена пассивными репетициями четвертных длительностей (поначалу), которые к середине звона переходят в фазу полной инертности и ритмической нестабильности. Более крупные колокола – большой (1) и часть средних (2–4) – звучат остигато в том же самом виде, четвертями, а в коде вообще начинают ритмически дробиться.

Конечно, анализируемая колокольная композиция не лишена своей логики, но назвать ее традиционным звоном мы бы вряд ли решились. Недостатки балансировки, отмеченные выше, оказались одной из причин такой необычной трактовки звона.

Другой причиной следует назвать недостаточный уровень технико-исполнительской подготовки звонарки. По нашим наблюдениям, переменные метры в рассматриваемом звоне не есть отражение специфики музыкального мышления исполнителя. Они являются следствием случайного «выпадения» из метроритма, что можно объяснить только неготовностью исполнителя к дальнейшим действиям, полным отсутствием контроля над ситуацией. На это же в партитуре звона указывает и хаотичность перебора низких колоколов (1–4).

По признанию О. Мозеровой, она нигде не училась и обычно звонит, «что получится». Так же поступает и звонарка храма св. кн. Михаила Черниговского, которая тоже не обучалась колокольному звону. Она вполне искренне считает, будто учиться этому делу не обязательно. Якобы достаточно приговаривать при звоне «Молись Богу, ходи в храм», и Господь вразумит, как это делать.

Основываясь на изложенных фактах, мы вынуждены констатировать: уровень технико-исполнительской подготовки геленджикских церковных звонарей пока трудно назвать удовлетворительным. Напомним, однако, что без нее невозможно воспроизвести по-настоящему искусный звон, который мог бы порадовать прихожан (слушателей). Об эстетическом значении колокольного звона в свое время писал музыкант-этнограф С. Рыбаков: «Важность искусного звона подтверждается тем, что при таком звоне гораздо больше собирается молящихся в церковь... большие толпы собираются слушать звон до начала службы и остаются ради этого и после службы» [6, с. 184].

Беседы автора с геленджикскими звонарями привели к выявлению еще одной серьезной проблемы. Она относится к их православно-уставной грамотности.

Известно, что в прошлом Русская православная церковь придавала огромное значение колокольному звону. Поэтому данный культурный феномен так или иначе отражен в богослужебных уставах, трудах дореволюционных священнослужителей. В них имеются сведения относительно времени употребления звонов, их канонических форм, нередко с указанием структуры (то есть музыкальной формы), а также характера использования колоколов [2; 3; 4; 7]. Но базовые указания на сей счет содержатся в Типиконе – основном регламентирующем документе Церкви.

Как следует из нашего общения с геленджикскими звонарями, не все из них об этом знают. Только вознесенский информатор упоминал в разговоре о православном уставе в связи со звонами. Остальные, судя по всему, вообще не знакомы с церковными письменными уложениями. И еще одно важное наблюдение: создается впечатление, будто все местные звонари следуют лишь указаниям настоятелей своих храмов, которые, по всей видимости, произвольно трактуют указания Типикона. Так, по словам О. Мозеровой, бывший «батьюшка сказал, благовест⁴ – 30 ударов, о. Владимир (теперь – С. Т.) говорит 40 ударов делать». В Вознесенском, Преображенском и Черниговском храмах благовест, независимо от дня, бьют в самый крупный колокол, тогда как в церковном уставе, согласно православному календарю, оговаривается использование разных колоколов.

Перезвон⁵ в Вознесенском соборе вообще не практикуется. Со слов звонарки Преображенской

⁴ Благовест – вид православно-уставного звона; производится с целью призыва христиан в храм на молитву, а также для оповещения о предстоящем вечернем, утреннем и дневном богослужении. Характеризуется мерными ударами в один из колоколов. В зависимости от церковного календаря регламентируется по продолжительности, темпу и употреблению того или иного колокола.

⁵ Перезвон – вид православно-уставного звона; состоит из поочередного перебора колоколов и одновременного заключительного удара в них. Имеет разновидности: редкий (медленный, скорбный) и частый (относительно подвижный, праздничный). Перезвон, как правило, не исполняется обособленно. Он является первым, жанрово определяющим, разделом двухчастной композиции, за которым следует трезвон.

церкви, перезвон здесь, как и положено, исполняется при освящении воды. Другие случаи его употребления не выявлены.

Что касается трезвона (третьего и последнего из видов православного звона), то в Преображенской церкви он звучит лишь в начале и конце литургии. В Вознесенском же соборе данный звон употребляется, на наш взгляд, наиболее грамотно: в соответствующее богослужебной практике время, а не только при литургии. Необычная практика исполнения трезвона сложилась в Черниговском храме, на звоннице которого висят всего два колокола. Как известно, для полноценного воспроизведения его музыкальной фактуры необходимо минимум три разновысотных инструмента. Правда, в стесненных обстоятельствах при желании (и с известной долей фантазии) можно обойтись и двумя, где каждый из колоколов будет вести свою ритмически самостоятельную линию. Но такое возможно только на колокольне – сооружении, где звонарь находится рядом с колоколами и потому в состоянии вызывать мелкие ритмы, характерные для партии трели. Настенная звонница с ее дистанционным способом управления колокольными языками лишает его этой возможности. Поэтому странно было слышать из уст звонарки о трезвоне на черниговской звоннице. Записать его и выяснить какие-либо подробности по данному поводу автору статьи не удалось, так как в день обследования инструмента звоны не производились. Тем не менее, по утверждению информатора, трезвон здесь все-таки исполняют, и делают это только перед литургией и после нее.

Канонические звоны во время богослужения (на «Верую!», на чтение Евангелия и др.) производятся только в Вознесенском храме, в других не звонят вообще. Является ли это следствием уставной безграмотности самих звонарей или напрямую зависит от отношения к звону церковного начальства, трудно определить однозначно. Полагаем, что тут имеет место и первое, и второе.

Подводя окончательный итог настоящему исследованию, отметим следующее. Собранный автором статьи материал и его анализ способствовали выявлению ряда проблем, свойственных для геленджикской колокольно-звонной практики в сложный период восстановления ее традиционных основ. Сегодня в звонничном строительстве, связанном с обустройством и налаживанием инструмента как акустико-механической системы, налицо трудности, сопряженные с его комплектацией качественными церковными колоколами, а также их балансировкой. Технично-исполнительские возможности местных звонарей весьма ограничены и в отдельных случаях нуждаются в значительном совершенствовании. Обращает на себя внимание и недостаточно ясное представление звонарей о роли и месте канонических звонов в богослужебном обряде, о их значимости и календарной приуроченности – о всем том, что закреплено церковными уставами. Без устранения указанных проблем вряд ли возможно в обозримом будущем достижение главной цели – восстановление истинной традиции православного колокольного звона.

Литература

1. Израилев А. А. Ростовские колокола и звоны. – СПб., 1884. – 24 с.
2. Неаполитанский А. Церковный устав в таблицах, показывающих весь порядок церковных служб рядовых и в особенности праздничных служб в течение времени года. – Владимир, 1878. – 128 с.
3. Никольский К. Т. О колоколах и звоне: пособие к изучению устава богослужения православной церкви. – СПб., 1894. – С. 31–44.
4. О должности звонаря и изъяснение о времени и порядке благовеста и звона в колокола к службам Божиим и в другие случаи в продолжении года, составленная для Козельской Оптиной пустыни в 1843 году // Никаноров А. Б. Колокола и колокольные звоны Псково-Печерского монастыря. – СПб.: РИИИ, 2000. – С. 129–165.
5. Рыбаков С. Г. Церковный звон в России. – СПб., 1896. – 68 с.
6. Рыбаков С. Г. Церковный звон в России // Музыка колоколов. – СПб.: РИИИ, 1999. – С. 176–196.
7. Скабалланович М. Благовест // Толковый Типикон. – 1913. – Вып. 2. – С. 6–11.
8. Смоленский С. В. О колокольном звоне в России // Русская музыкальная газета. – 1907. – № 9–10. – С. 265–281.

References

1. Izrailev A.A. *Rostovskie kolokola i zvony* [Rostov bells and chimes]. St. Petersburg, 1884. 24 p. (In Russ.).
2. Neapolitanskiy A. *Tserkovnyy ustav v tablitsakh, pokazuyvayushchikh ves' poryadok tserkovnykh sluzhb ryadovykh i v osobennosti prazdnichnykh sluzhb v techenie vremeni goda* [The church charter in the tables

- showing the entire procedure of the church ordinary services and in particular of festive services during a year]. Vladimir, 1878. 128 p. (In Russ.).*
3. Nikol'skiy K.T. *O kolokolakh i zvone. Posobie k izucheniyu ustava bogoslužheniya pravoslavnoy tserkvi [About the bells and ringing. A Handbook for the study of the Charter of the divine services of the Orthodox Church].* St. Petersburg, 1894, pp. 31-44. (In Russ.).
  4. O dolzhnosti zvonarya i iz'yasnenie o vremeni i poryadke blagovesta i zvona v kolokola k sluzhbam Bozhiim i v drugie sluchai v prodolzhenii goda, sostavlenaya dlya Kozel'skoy Optinoy pustyni v 1843 godu [About the post of a bell-ringer and the exposition time and the order of the blagovest and bell ringing to the devine service, and in other cases during the year, compiled for Kozelsk Optina in 1843]. *Nikanorov A.B. Kolokola i koloko'nye zvony Pskovo-Pecherskogo monastyrya [Bells and bell ringing of Pskovo-Pechersky monastery].* St. Petersburg, RIII Publ., 2000, pp. 129-165. (In Russ.).
  5. Rybakov S.G. *Tserkovnyy zvon v Rossii [The church chime in Russia].* St. Petersburg, 1896. 68 p. (In Russ.).
  6. Rybakov S.G. *Tserkovnyy zvon v Rossii [The church chime in Russia]. Muzyka kolokolov [Music of bells].* St. Petersburg, RIII Publ., 1999, pp. 176-196. (In Russ.).
  7. Skaballanovich M. *Blagovest [Blagovest]. Tolkovyy Tipikon [Explanatory Typicon], 1913, vol. 2, pp. 6-11. (In Russ.).*
  8. Smolenskiy S.V. *O kolokol'nom zvone v Rossii [About the bell ringing in Russia]. Russkaya muzykal'naya gazeta [Russian musical newspaper], 1907, no. 9-10, pp. 265-281. (In Russ.).*